

Белоногов Юрий Геннадьевич

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ ФОНДОВ ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ В ИЗУЧЕНИИ ИНСТИТУТА ВНЕШТАТНЫХ ИНСТРУКТОРОВ ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА ВКП(Б) 1930-1940-Х ГГ.

В статье проведен источниковедческий анализ документов Пермского государственного архива новейшей истории за 1930-1940-е гг., необходимых для изучения деятельности внештатных инструкторов, функционировавших при местных парткомах. Рассмотрены разновидности делопроизводственной документации на предмет научной ценности и надежности источников, их репрезентативности и перспективности использования для изучения проблематики правящих групп советского общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/2/8.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(76) С. 38-41. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

LEV SHESTOV'S PHILOSOPHY OF CREATIVITY

Baturina Irina Vladimirovna, Ph. D. in Philosophy
Moscow Technological Institute
BaturinVK@yandex.ru

This paper provides an analysis of philosophy of creativity developed by L. Shestov, for the first time shows its complexity and metaphysical depth, which in the main aspect is oriented towards the highest freedom facing the God. According to Shestov, to get closer to faith and the very thoughts of the God, a man must already have great creative boldness capable of snatching him/her from the fetters of mind and necessity, from the fetters of "this world". The article shows that, despite the paradox, the main obstacle on the path to true creativity, according to Shestov, is human mind itself – artificial constructivism serving ordinary human survival goals rather than an inquiring look into depths of the universe.

Key words and phrases: creativity; faith; mind; Absolute; necessity; ethics; freedom; suffering; religion; philosophy.

УДК 930.2:35.077.1

Исторические науки и археология

В статье проведен источниковедческий анализ документов Пермского государственного архива новейшей истории за 1930-1940-е гг., необходимых для изучения деятельности внештатных инструкторов, функционировавших при местных парткомах. Рассмотрены разновидности делопроизводственной документации на предмет научной ценности и надежности источников, их репрезентативности и перспективности использования для изучения проблематики правящих групп советского общества.

Ключевые слова и фразы: внештатный инструктор; номенклатура партийного комитета; архивные документы; горком ВКП(б); номенклатурное дело.

Белоногов Юрий Геннадьевич, к. полит. н.

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
ugb78@mail.ru

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ ФОНДОВ ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ В ИЗУЧЕНИИ ИНСТИТУТА ВНЕШТАТНЫХ ИНСТРУКТОРОВ ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА ВКП(Б) 1930-1940-Х ГГ.

Институт внештатных инструкторов при аппарате местных (в меньшей степени – и региональных) партийных комитетов является еще слабо изученной должностной группой ответственных работников. Формально ими являлись коммунисты, выполнявшие некоторые функции партийного аппарата (в основном по сбору информационных сведений и проверке исполнения указаний парткома) в свободное от своей основной работы время на безвозмездной основе в порядке «партийной нагрузки». Осознанная потребность в данной категории работников фиксируется документами партийных органов от Центрального Комитета ВКП(б) до региональных парткомов. Деятельность внештатных инструкторов при партийных комитетах напрямую не регулировалась советским трудовым правом: с «внештатными активистами» не заключались индивидуальные трудовые договоры и трудовые соглашения. Однако значимость данного института в изучаемое время определялась его возможностями вертикальной социальной мобильности: внештатные инструкторы обоснованно могли рассчитывать на продолжение своей карьеры на руководящих должностях штатного партийного аппарата или в организациях иной ведомственной принадлежности в качестве «платы» за оказываемое содействие. Не менее важным обстоятельством следует считать и наличие у внештатных инструкторов «частички» номенклатурного иммунитета, предполагавшего для его субъектов определенные властные преференции.

В качестве объекта исследования задействованы делопроизводственные материалы, хранящиеся в Пермском государственном архиве новейшей истории (далее – ПермГАНИ) в фондах городских и районных партийных комитетов. Именно в местных парткомах быстро растущих промышленных центров оказался в наибольшей степени востребован институт внештатных инструкторов для усиления партийного влияния на модернизационные процессы. С точки зрения источниковедческого анализа выбор в пользу архивных материалов объясняется тем, что изучение делопроизводственной документации парткомов (в отличие от мемуарной литературы, официальных партийных документов, периодической печати) показывает изнутри работу партийной бюрократической машины, частично содержит засекреченную от современников информацию.

Целью статьи является краткий источниковедческий анализ имеющихся делопроизводственных документов на предмет определения их видового состава, критики научной ценности и надежности для исследователя, репрезентативности и перспективности использования. В этом отношении статья продолжает существующую в современном источниковедении традицию изучения кадровой политики в советский период истории

через анализ делопроизводственных материалов бывших партийных архивов (данный вектор развития исторической науки отражен, например, в следующих работах: [1; 2]). Правда, делопроизводственные документы понимаются автором в рамках более широкого подхода и не сводятся, как в работе А. А. Мякотина, только к иерархической системе организационно-распорядительной документации, с помощью которой реализуются важнейшие, общие для всех административных структур управленческие функции [2, с. 78].

Первой разновидностью делопроизводственных документов являются источники организационно-распорядительного характера, которые были призваны определять порядок деятельности учреждений, формы и методы работы, а также регламентировать управленческий процесс. К ним традиционно можно отнести протоколы заседаний бюро, пленумов и конференций парткомов: на основе принимаемых постановлений, подчас повторявших основные положения нормативных актов ЦК ВКП(б), можно проследить эволюцию отношения региональных и местных парткомов к институту внештатных инструкторов.

Одновременно протоколы заседаний бюро парткомов позволяют идентифицировать подлежащих утверждению внештатных инструкторов, проследить их дальнейшие карьерные передвижения. Немаловажным фактором, отразившимся в организационно-распорядительной документации того времени, стало изменение статуса внештатных инструкторов. Так, на протяжении первой половины 1930-х годов данная должностная группа имела почти маргинальный статус: источники однозначно не свидетельствуют о том, что внештатные инструкторы утверждались на бюро парткома. Со второй половины 1930-х годов практика утверждения на бюро парткома становится обязательной, т.к. данная процедура способствовала легализации и легитимации деятельности внештатного работника. А в 1940-1945 годы некоторые парткомы уже включали должности внештатных инструкторов в свою основную и учетно-контрольную номенклатуру, что формально предполагало утверждение данных активистов на бюро партийного комитета. Судя по докладной записке о работе отдела кадров Ленинского горрайкома ВКП(б) г. Перми за первое полугодие 1940 года, местные парткомы сталкивались с кадровой проблемой замещения этих номенклатурных должностей: «Из 928 номенклатурных работников фактически имеется в наличии и работает 888 человек, недостающее количество работников 40 человек в основном падает на внештатных инструкторов райкома, которые еще не полностью подобраны. Вместо 56 человек внештатных инструкторов и пропагандистов подобрано только 24 человека» [5, д. 87, л. 19].

Информационно-отчетная документация по деятельности внештатных инструкторов в основном представлена годовыми и квартальными отчетами отделов кадров местных партийных комитетов, которые с 1939 года формально сосредоточили в своих руках всю работу с кадрами местной номенклатуры. Однако в рамках данных отчетов сюжеты о внештатных инструкторах встречаются крайне редко, почти исключительно в контексте проблем работы с резервом кадров. Так, в докладной записке отдела кадров Ленинского горрайкома г. Перми о работе с резервом за первое полугодие 1940 года отмечалось: «До июля месяца в отделе кадров неправильно понимали резерв. Резервом считали заместителей секретарей парторганизаций, внештатных инструкторов, заместителей начальников отделов и т.д. Такое понятие о резерве приводило к неправильной работе с резервом». Среди основных недостатков в работе отдела кадров значилась слабо оказываемая практическая помощь вновь выдвинутым работникам, причем «в полной мере не используются для этого актив и внештатные инструктора отдела кадров» [Там же, л. 19-26]. В отчетах местных парткомов за период первой половины 1940-х годов констатируется наличие внештатных инструкторов, фиксируются организационные проблемы их привлечения, присутствуют фамилии наиболее отличившихся «внештатников», что позволяет впоследствии проследить их дальнейшую карьерную траекторию.

Информационно-отчетная документация 1930-1940-х годов представлена и частично сохранившимися справками, которые подготавливались непосредственно самими внештатными инструкторами по конкретному заданию парткома. Данная разновидность источников свидетельствует о функциональных обязанностях «внештатных активистов», сводившихся в основном к проверке работы отдельных парторганизаций по спектру вопросов.

Помимо организационно-распорядительной и информационно-отчетной документации к источникам изучения института внештатных инструкторов относится и такая подгруппа делопроизводственных документов, как учетная документация. Если предыдущие разновидности делопроизводственных источников помогают выявить внештатных работников, то сохранившиеся за 1930-е годы списки партийного актива и членов пленума парткома позволяют идентифицировать в их составе людей, работавших в качестве внештатных инструкторов. В отличие от ситуации Великой Отечественной войны, в 1930-е годы фамилии внештатных инструкторов часто фигурировали в указанных выше списках, что свидетельствовало о значительно более высоком статусе представителей данной должностной группы в местной партийной иерархии, чем в 1940-е годы. К данной разновидности делопроизводственной документации относятся справки о персональном и должностном составе внештатных работников, распределении внештатных инструкторов между подразделениями аппарата парткома.

О статусе внештатных инструкторов свидетельствовало и бумажное оформление их принадлежности к парткому. Если в 1970-1980-е годы внештатный инструктор обладал соответствующим удостоверением, определявшим должностной статус работника и закреплявшим за ним определенные права и обязанности, то в 1930-1940-е годы данное должностное лицо осуществляло свою деятельность только на основе справки – «мандата» из парткома, в которой кратко упоминалось данное ему поручение. Оставляют желать лучшего и общие списки внештатных активистов за 1930-е годы. Так, фамилии внештатных инструкторов промышленно-транспортного отдела Пермского горкома ВКП(б) за 1937 год написаны от руки крайне небрежно

слабо разборчивым почерком на простом листке – черновике (без инициалов внештатных инструкторов, даты закрепления за определенным отделом, с указанием только общего места работы без занимаемой должности) [4, д. 1428, л. 78]. Чуть лучше выглядит ситуация за 1930 год: перечислены только фамилии внештатных инструкторов и информаторов с указанием их основного места работы и закреплением за определенным штатным подразделением аппарата [Там же, д. 24, л. 54]. По сравнению с ними краткие характеристики на внештатных инструкторов (сделанные только по некоторым отделам Пермского горкома ВКП(б) за 1934 и 1936 годы и содержащие минимальную информацию о возрасте, образовании, партийном стаже и опыте управленческой деятельности) выглядят уже как более солидный исторический источник, дающий материал для последующего статистического анализа.

Тенденция к номенклатурной институционализации внештатных инструкторов логично привела к появлению с конца 1942 г. личных дел по учету кадров, которые начинают составляться в некоторых парткомах по образцу личных дел номенклатурных работников. В современной историографии присутствует точка зрения, что личный листок по учету кадров, включавшийся с 1920-х годов в личное дело работника на правах первичного учетного документа, являлся в сталинский период одним из инструментов для осуществления властью тотального контроля над гражданами [3, с. 93, 97].

Между тем учетная документация имеет свои ограничения. С формальной точки зрения дела от половины до трети работников, занимавших должности внештатных инструкторов в изучаемых городских парткомах за 1930-1940-е годы, «не отложились» в материалах ПермГАНИ. Если для 1930-х годов это объясняется низким «номенклатурным» статусом данной должностной группы в партийной иерархии, то для периода Великой Отечественной войны характерно отсутствие документов на работников, эвакуированных в Молотовскую область с территорий, временно оккупированных противником.

Содержание самого личного дела номенклатурного работника, бывшего в данные годы внештатным инструктором парткома, несколько разочарует, т.к. в данных делах нет никакой информации о «внештатной» деятельности (ни в автобиографиях, ни в листке по учету кадров, ни в прилагаемых характеристиках). Складывается впечатление о том, что либо «внештатники», либо члены бюро партийных комитетов не придавали этому аспекту профессиональной деятельности серьезное «номенклатурное» значение. В лучшем случае в самой характеристике или автобиографии появлялось весьма нераспространенное клише о том, что данный работник «выполнял поручения обкома, горкома и райкома партии по оказанию помощи парторганизациям леспромхозов, по уборке урожая в сельских районах и по проверке работы парторганизаций» [6, д. 603, л. 7 об.]. Одновременно личные дела не позволяют четко определить окончание временного периода, в рамках которого коммунист являлся внештатным инструктором парткома.

Тем не менее эта разновидность источников содержит в себе значимые анкетные данные, на основании которых можно составить коллективный портрет внештатных инструкторов с точки зрения следующих социальных и профессиональных параметров: возраст, пол, партстаж, общее и политическое образование, социальное происхождение и социальное положение на момент вступления в ряды партии, опыт руководящей работы, участие в выборных органах власти, наличие/отсутствие судимостей и партвызысканий, последующая карьерная траектория (естественно, только в рамках института номенклатуры). Научный анализ созданной базы данных с применением статистических методов позволит оценить эффективность института внештатных инструкторов для работников с точки зрения их будущей партийной (в аппарате парткома) и номенклатурной карьеры.

Еще меньшей информативностью (к сожалению, еще и доступностью, и репрезентативностью) обладают собственно персональные и апелляциянные, а также судебно-следственные дела на людей, которые в своей карьере занимали должности внештатных инструкторов. Теоретически такие дела более подробно могут свидетельствовать не только о партийных проступках (хотя они могли быть совершены в ходе «внештатной деятельности»), но и об оценке института внештатной работы в деятельности партийного комитета как факторе, влияющем на смягчение или ужесточение наказания.

Интерес для исследователя могут представлять штатное расписание и фонды по заработной плате партийных комитетов как разновидность организационно-распорядительной документации. Данные документы позволяют сравнить количественный состав внештатных инструкторов и штатных партработников, оценить материальную привлекательность аппаратной партийной работы для «внештатника» как фактора дальнейшей карьерной динамики.

Вероятно, самой информативной разновидностью делопроизводственных материалов с точки зрения проблематики института внештатных инструкторов являются стенограммы партийных форумов (пленумов, конференций, расширенных аппаратных совещаний, партийно-хозяйственных активов). Так, за 1935-1936 годы сохранились краткие стенограммы аппаратных совещаний по вопросам организационно-партийной работы, проводимых вторым секретарем Пермского горкома ВКП(б) М. Н. Дьячковым, репрессированным в ходе «Большого террора». Среди прочих вопросов по организации работы аппарата горкома поднималась проблема привлечения внештатных инструкторов. В ходе проходившего обмена мнений (а подчас и дискуссий) представители разных ведомственных и должностных групп высказывали (и аргументировали) свою точку зрения по поводу перспектив развития института внештатных инструкторов. Так, на совещании 22 апреля 1936 г. М. Н. Дьячков выразил, видимо, присутствовавшее в аппаратной среде отношение к данной проблеме: «Мне кажется, что это не совсем хорошая форма работы. Внештатник как-то вклинивается между горкомом

и низовой парторганизацией. Но это не значит, что нельзя привлекать актива, мы должны посылать актив, но каждый раз – по узкому конкретному вопросу – инструктировать» [4, д. 1148, л. 37].

Особым источником изучения института внештатных инструкторов, ставшим чрезвычайно распространенным во второй половине 1930-х годов, можно назвать письма населения в периодические издания (газеты), откуда они пересылались в партийные инстанции или (учитывая специфику того периода) в компетентные органы. Главным содержанием таких посланий были жалобы и доносы на местных начальников, что весьма поощрялось верховной властью в период «Большого террора». Так, интерес представляет жалоба на заведующего бюро спроса и предложений Пермского отделения Горвнторга, члена партии с 1905 года, А. Н. Захарова (с декабря 1936 г. числился внештатным инструктором по советско-торговому отделу Пермского горкома партии) в редакцию газеты «Уральский рабочий», откуда она была переправлена в горпартком. Автор письма следующим образом оценивал деятельность А. Н. Захарова как внештатного активиста: «Захаров, как знают и в Горвнторге, большой бездельник, целые часы у него заняты на перечитку газет и выполнение поручений, как он заявлял, Горкома ВКП(б), особенно тогда, когда там сидели враги народа Голышев и Дьячков. Только непосредственной связью Захарова с врагами народа можно объяснить то обстоятельство, что директор Свердловской бытовой конторы т. Малых делала попытку в 1936 г. заменить Захарова как бездельника, но Горвнторг и горком на это согласие не дали <...> Имея такие сведения о Захарове, я просто сигнализирую об этом и, конечно, с Захаровым кому следует нужно разобраться. Мне кажется, что Захаров просто маскируется» [Там же, д. 1425, л. 31-32]. Институт внештатных инструкторов при горкоме партии мог восприниматься в общественном сознании как спаянный дружескими (в интонации автора письма – вредительскими) связями круг местных чиновников, «покрывающих» друг друга и «отлынивающих» от работы под предлогом «выполнения поручений» парткома.

В качестве итога отметим, что изучение института внештатных инструкторов должно основываться на комплексном изучении достаточно ограниченного по количеству и крайне скудного по содержанию массива делопроизводственных документов. Рассмотренные разновидности источников за 1930-1940-е годы свидетельствуют об эволюции номенклатурного статуса, социальных и профессиональных характеристик, каналах рекрутирования, функциях внештатных инструкторов как особой должностной группы партийных работников. Но задействованные в исследовании делопроизводственные документы ПермГАНИ пока не могут однозначно помочь раскрыть вопросы о самоидентификации внештатных инструкторов как отдельной самостоятельной группы, роли и соотношении формальных и неформальных отношений в формировании и функционировании изучаемого института на протяжении 1930-1940-х годов. Поиск и включение в научный оборот новых источников по истории номенклатуры поможет решить данные перспективные направления исследований.

Список литературы

1. Кабытов П. С., Мякотин А. А. Источники изучения партийно-номенклатурной и хозяйственной элиты Куйбышевской/Самарской области в 1960-1990-е гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5. С. 242-246.
2. Мякотин А. А. Кадровое обеспечение региональных органов ВКП(б) – КПСС в 1946-1964 гг. (по материалам самарских архивов) // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 3-2 (94). С. 77-80.
3. Нигматуллин С. Х. Форма личного листка по учету кадров как отражение социальной политики в СССР в 1930-1950-х гг. (на примере документов московских школ) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2011. № 4. С. 92-97.
4. Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). Ф. 1. Оп. 1.
5. ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 22.
6. ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 71.

OFFICE DOCUMENTATION FROM THE FUNDS OF PERM STATE ARCHIVE OF MODERN HISTORY IN STUDIES OF INSTITUTION OF NON-STAFF INSTRUCTORS OF THE LOCAL CITY COMMITTEE OF THE ALL-UNION COMMUNIST PARTY (OF BOLSHEVIKS) IN THE 1930-1940S

Belonogov Yurii Gennad'evich, Ph. D. in Political Sciences
Perm National Research Polytechnic University
ugb78@mail.ru

The article provides a historiographical analysis of documents from Perm State Archive of Modern History for the period of 1930-1940 covering activity of non-staff instructors of the local party committees. The author examines office documents with a view to identify scientific value and validity of the sources, their representativeness and potential for studying problems of the Soviet ruling class.

Key words and phrases: non-staff instructor; party committee high-ranking functionaries; archival documents; local city committee of the All-Union Communist Party (of Bolsheviks); registered file.